

М.И. Родинов

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕСУРС В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

*Если на клетке слона прочтешь
надпись “буйвол”, не верь глазам своим
Козьма Прутков*

Каждая перепись населения в нашей стране сопровождается критикой, сомнениями специалистов и общественности в достоверности полученных данных. Всероссийская перепись 2002 г. подвергалась жестким нападкам как на стадии подготовки, так и в ходе проведения. А долгая обработка собранных сведений законно вызывает вопрос: цифры считают или согласовывают? Для сравнения, к концу осени 1917 г. в Уфимской губ. завершилось проведение Всероссийской сельскохозяйственной и по-земельной переписи, а уже в середине 1918 г. ее организатор – председатель статистического отдела губернского земства М.П. Красильников – сообщил основные итоги переписи в своей монографии¹. В условиях революции, экономического и политического хаоса уфимские статистики сработали очень оперативно. И без всяких компьютеров.

Главная ошибка Госкомстата РФ заключалась в непонимании изменившейся социально-экономической и политической ситуации в стране. В новой (опять же капиталистической, да еще “дикой”) России перепись населения осуществили по старинке, как в советские времена. Ее проводили региональные органы статистики, контролируемые местной властью, информацию собирали, рассчитывая на добровольную помощь населения. И во многих субъектах РФ интересы региональных элит прямо повлияли на полученные данные.

Кроме того, дискуссии вокруг нынешних этнических процессов в России базируются, с нашей точки зрения, на весьма шатком и зыбком фундаменте: раньше (в советские, нэповские, царские времена) проводились некие беспристрастно-объективные переписи населения, во время которых получали точные, достоверные, “настоящие” данные о численности этносов. Исторический материал прежних переписей активно используется в современной политической борьбе, служит неким эталоном “настоящих, чистых” научных сведений, по которым необходимо сверять современные результаты².

Зададимся вопросом: в прошлом при проведении переписей, сборе информации о национальном составе жителей применялся административный ресурс или нет? Для советских переписей 1930-х–1980-х годов это в принципе признается. Наша статья показывает, что и в императорской России этническая картина страны и регионов тоже в немалой степени зависела от административного давления, различных интересов местных элит.

В качестве объекта исследования возьмем Альметьевскую вол. Бугульминского у. Самарской губ. (современный Альметьевский р-н Татарстана), включавшую шесть селений по левому берегу р. Зай, вдоль главной транспортной артерии края – Ново-Московской дороги, связывавшей Казань с Оренбургом.

В нашем распоряжении имеются данные по этносословному составу жителей, извлеченные из списков населенных мест Самарской губ., составленных в 1889 г.³, 1900 г. (по материалам переписи 1897 г.)⁴ и 1910 г.⁵, а также обработанные нами по-

* Работа выполнена при поддержке программы научных исследований фонда “Альметьевская энциклопедия” и проекта РГНФ “Этностатистический атлас Башкортостана: середина XIX – конец XX в.” (грант 03-01-00165а).

дворные карточки неопубликованной земской переписи 1900–1901 гг., сохранившиеся в архиве г. Казани⁶.

Все население Альметьевской вол. (без Нижней Мактамы) по сословной принадлежности в 1889 г. было отнесено к “казенным” крестьянам, а в 1897 и 1910 гг. – к бывшим государственным.

Сведения по национальному (этносословному) составу жителей Альметьевской вол. в конце XIX – начале XX в., представленные в таблице, взяты из разнородных по происхождению источников. При подготовке списков населенных мест самарские статистики запрашивали информацию скорее всего в волостных правлениях (см. примеч. 4). Данные земской переписи 1900–1901 гг. выбраны из подворных карточек, куда записывался (должен был записываться) ответ самого домохозяина – главы семейства – о своей “народности”. В большинстве случаев указаны господствующие этнические группы; лишь в материалах за 1900–1901 гг. отмечено пришлое, неместное население, составлявшее незначительную долю жителей.

С конца XVIII в. в Альметьевской вол. собственно башкиры фиксировались только в двух селениях – Альметьево и Абдрахманово⁷. Тем не менее в 1889 г. по национальной принадлежности почти все жители волости (кроме сел. Кульшарипово) были указаны как *башкиры*. Скорее всего в этом проявилась историческая память о недавнем времени, когда мусульманское население округи состояло в так называемом Башкирском (Башкиро-мешерякском) войске. Так, жители Верхней и Нижней Мактамы, потомки татар, ямских и служилых татар до 1855 г., пока вся будущая Альметьевская вол. не была перечислена в 23-й башкирский кантон, находились во 2-й татарской команде.

К концу XIX в. воспоминания о кантонной эпохе все больше уходили в область преданий, никакого реального влияния на жизнь сельчан они не оказывали, и начиная со всероссийской переписи 1897 г. этноним “башкир” совершенно исчезает; для характеристики этнического состава жителей Бигашево и других деревень используются только самоназвания “татары” и “татары”.

Анализируя материалы по этническому составу населения, нужно поставить в первую очередь весьма важные вопросы: *откуда* эта информация, *кто* предоставил ее? Данные за 1889 и 1910 гг. почти наверняка получены из волостных правлений (сообщены старшиной или писарем). Таким образом, нам известна точка зрения низовой (волостной) администрации, микроэлиты – это ее, а не рядового населения *понимание*, к какой национальной группе принадлежали земляки. С одной стороны, не следует недооценивать сельскую (общинно-волостную) элиту, которая была наиболее образованной, грамотной, исторически “продвинутой” частью социума. С другой стороны, нельзя забывать о том, что ее служилый (чиновно-административный) характер накладывал свой отпечаток на сообщаемые сведения. Волостная старшина мыслила юридическими категориями. Возможно, именно поэтому стабильно используется *сословная терминология* (в частности, татары).

Например, в подворных карточках почти везде в графе “народность” проставлялось татар (татары, а чаще “т., тп., тат.”), у ясашных в переписи 1900–1901 гг. практически всегда было указано просто: “яс., ясаш., ясашный”. Фиксировалась только принадлежность к сословному разряду.

Более того, вопрос об этнической принадлежности, особенно при проведении земских и сельскохозяйственных подворных переписей, относился к “дежурно-обязательным” вопросам наряду с припиской, названием общины, села, волости, уезда и пр. Когда домохозяев по очереди приглашали в сельскоеправление к приехавшему статистику на собеседование, переписчик ради ускорения работы или вообще мог не сообщать сельчанину этой обязательной записи, или быстро ее проговаривал: “так-с, Фазуллин Юнус, приписной, ясашный, 48 лет” и далее начинал опрашивать и записывать в подворную карточку важные для него данные – сколько земли, посевов, рабочего скота, овец и т.д. Подробного *расспроса* по “дежурным” пунктам, включая национальность, чаще всего не происходило.

К такому выводу приводит наш опыт обработки первичных материалов сельскохозяйственных переписей. В качестве примера можно привести карточку № 47 на домохозяйство Мухаметши Исакакова, проживавшего в с. Маметьево Варваринской вол. Бугульминского у. Самарской губ.⁸ Она заполнена чернилами довольно “жирными” буквами. На лицевой стороне подворной карточки имеются три записи, сделанные тоже чернилами, но другим почерком и более “тонкими” буквами. Создается впечатление, что они сделаны другим человеком или же раньше (в иное время). Что же это за три записи, отличные от всех остальных? А это 1) название волости (“Варваринск.”), 2) наименование села (“Маметьево”), и 3) указание народности (“татар. тент.”). И наш опыт подтверждает: подобных случаев масса.

Таким образом, приехав в деревню (или еще в волостном центре), статистик заранее, ради быстроты и удобства, ведь предстояло заполнить сотни и сотни документов, заносил в подворные карточки общие, единые для всех сведения – волость, село, община, сословие и... очень часто, но не всегда – национальность. А эту информацию сообщал ему, вне всякого сомнения, либо сельский староста, либо писарь, нередко выступавший переводчиком с русского на татарский (башкирский), или кто-то из членов волостной администрации. Поэтому при анализе даже земских подворных переписей следует учитывать, что часто в них зафиксировано не этническое самосознание (самоназвание, самоидентификация) рядового крестьянства, а мнение сельской элиты, наиболее влиятельной и грамотной части населения.

Материалы переписи 1900–1901 гг. в какой-то мере позволяют рассмотреть ту низовую сельскую элиту, которая сообщала статистикам сведения о национальности жителей своей деревни. При изучении карточек по с. Бигашево (теперь в черте г. Альметьевска) неожиданно обнаружился любопытный нюанс. В отдельных документах оказались образцы местного юмора. Так, про мелкого предпринимателя А. Мухаметзянова сообщалось: “Летом собирает тряпки, хлопок и т.п. дрянь”, на карточке 37-летнего Ф. Галимбикова в графе о промыслах даже записано “лентяй” (потом перечеркнули). Не сам же статистик, впервые видевший этих людей, такое придумал, да и Мухаметзянов с Галимбиковым на себя вряд ли стали бы наговаривать. Значит, рядом с переписчиком в душной избе стоял еще кто-то, кто переводил ответы опрашиваемых на русский язык и попутно ехидно комментировал происходящее. Это мог быть или староста, 65-летний богатый бигашевец А.-К. Курбангалеев, или писарь Ф. Хуснуллин (37 лет, самоучкой овладел русской грамотой), последний скорее всего и выступил переводчиком.

Обязательное присутствие в мусульманских деревнях при переписях представителей сельской (волостной) администрации было неизбежным из-за проблемы с переводом. При изучении материалов за 1900–1901 и 1917 гг. мы не встречали среди переписчиков-регистраторов татарские или башкирские фамилии. Практически всегда личный состав статистиков состоял из русских⁹. А нередкие искажения в записях простейших мусульманских имен свидетельствуют о полном незнании некоторыми переписчиками языка местного населения. В той же д. Бигашево во время переписи 1916 г. встречаем явно ошибочно записанные фамилии Аркетзянова и Тивязетдина-ва¹⁰.

Проделанный анализ массового статистического источника заставляет во многом по-новому оценивать информацию переписей по этническому составу. Например, при обработке материалов по Альметьевской вол. бросилось в глаза почти полное отсутствие этнонима “татарин”. В центре округи – с. Альметьево – лишь в трех подворных карточках встречается слово “татарин”, в остальных – просто “ясашный”¹¹. Казалось бы, это еще одно подтверждение известного в научной литературе тезиса о позднем – уже в XX столетии – закреплении этнонима “татары” среди мусульман Урало-Поволжья. Как констатировал В.В. Бартольд, «перед революцией 1917 г. поволжские тюрки после некоторых споров приняли название “татары”»¹². Однако, судя по результатам подворной переписи 1900–1901 гг. в д. Нижней Мактаме все обстояло гораздо сложнее.

Этносословный состав жителей Альметьевской вол. в конце XIX – начале XX в.

Селения	1889 г.	1897 г.	1900–1901 г.	1910 г.
Альметьево	башкиры	башкиры и татары	тептяри (1395 чел.), ясашные (592), башкиры (344), русские (79), евреи (2), удмурты (1)	башкиры, тептяри и татары
Абдрахманово	башкиры	башкиры и татары	татары (884), башкиры (270), ясашные (263), татары (93), русские (26)	башкиры и татары
Бигашево	башкиры	татары и тептяри и татары	232 двора тептяр; 70 дворов ясашных; русских—7 чел.	татары и тептяри
Верхняя Мактама	башкиры	татары и тептяри и татары	197 дворов тептяр; 52 двора ясашных; русских—15 чел.; мордва—4 чел.	татары и тептяри
Нижняя Мактама	башкиры, чуваши	татары и тептяри	94 двора тептяр; 93 двора тептяр—татар; 30 дворов ясашных татар; 14 дворов ясашных; татар—4 чел.; русских—3 чел.	татары и тептяри
Кульшарипово	татары, чуваши	татары и чуваши	182 двора тептяр; 41 двор ясашных; 20 дворов чуваш; 1 двор русских	татары и тептяри, чуваши

Источники: Кругликов П.В. Список населенных мест Самарской губернии по сведениям 1889 года. Самара, 1890. С. 61–62; Протопопов И.А. Список населенных мест Самарской губернии, составлен в 1900 году. Самара, 1900. С. 118–119; Подковыров Н.Г. Список населенных мест Самарской губернии, составлен в 1910 году. Самара, 1910. С. 98–99; НА РТ. Ф. 993. Оп. 1. Д. 108, 109, 110, 112, 118; Роднов М. Альметьевцы в начале XX века // Альметьевск. Казань, 2003. С. 151–179.

Первое же знакомство с подворными карточками земской переписи 1900–1901 гг. показало, что в этой деревне работал чрезвычайно пунктуальный, дотошный и высокопрофессиональный исследователь. Красивым четким почерком сделаны разборчивые, грамотные записи, везде полный порядок. Неустановленный по фамилии самарский или бугульминский статистик подробнейшим образом расспрашивал жителей Нижней Мактамы, в том числе и об их национальной принадлежности. В результате была получена совсем иная информация (см. таблицу).

Большинство нижнемактаминцев по поводу своей “народности” заявили, что они – тептяри. В 94 карточках стоит “теп.”, “тепт.” или “тептяр”. Переписчик на слух вписывал с татарского слово “типпер”, запись в форме “тептяр”, с мягким знаком, имеется всего на четырех карточках.

Вместе с тем в 93 подворных карточках Нижней Мактамы национальность была проставлена в форме “т. т.”, с точками после каждой буквы. Если это простое сокращение от слова тептяр, то зачем знаки препинания? В двух случаях находим более подробные записи. Национальность З. Фахретдинова указана как “теп. т.”, а Д. Шигабутдинова как “татарин тептяр”. Значит, непонятное сокращение “т. т.” – это тептяр-татарин, или татарин-тептяр. Прочие жители Нижней Мактамы, по переписи 1900–1901 гг., считали себя ясашными. 14 сельчан именно так и назывались (“ясаш., яс., ясашный”). Но в 30 карточках стоит сходное сокращение: “т. яс.” – татары ясашные.

Обилие отличающихся записей свидетельствует, что в Нижней Мактаме домохозяев во время проведения переписи *расспрашивали*, задавали уточняющие вопросы об их этнической принадлежности. Тут ничего не стали вписывать заранее.

Дотошный переписчик выяснил, что в половине случаев жители обычной деревни начала ХХ в. сознавали себя именно татарами (с добавлением старинного разряда). Значит, отсутствие в иных селениях Альметьевской вол. упоминаний о татарах совсем не означает, что их вообще здесь не было. Просто при переписях в подворные карточки заносилась сжатая, сокращенная информация, большинство статистиков не расспрашивали подробно сельчан об их самосознании (самоидентификации), не тратили время на выяснение, кем те себя считают, ограничиваясь краткими сведениями.

ями, полученными от сельской (волостной) верхушки, что вело к определенному исказению реальной картины.

Подобные двойные записи (татарин-тептярь и др.) имеются в материалах переписи 1900–1901 гг. и по некоторым соседним селениям. Например, по д. Маметьево, где мы провели сплошной анализ записей об этнической принадлежности во всех подворных карточках (без отсутствовавших и пришлых), преобладают две формы записи “народности” – в 49 карточках указано “татар. яс.”, в 41 – “татар. ясаш.”. Кроме того, выявлено еще 13 вариантов записей национальности: от “татарка ясашн.” и “ясашн.” до “татар. тепт.” (пять карточек) и “тепт. татар” (три карточки). Причем, судя по почеркам, вся запись об этнической принадлежности была внесена в подворную карточку заранее, как в приведенном выше случае, либо к слову “татар, татарин” позднее добавляли сословную характеристику – ясашный или тептяр¹³. При обработке данных переписи 1917 г. по Уфимской губ. также нередко встречались аналогичные двойные, а то и тройные этнические самоназвания¹⁴.

Итак, наши рассуждения и фактический материал показывают, что особенностью переписей рубежа XIX–XX вв. являлось достаточно “поверхностное” отношение к регистрации сведений об этнической принадлежности населения, тем более когда главной задачей проводившегося обследования ставился сбор экономических данных. Во всех (земских и сельскохозяйственных всероссийских) переписях значительная часть сведений по этническому составу крестьянства в действительности была получена не от самого населения, а от сельской верхушки, общинно-волостной администрации и отражает ее представления, а не мнение рядовых жителей.

Именно с этим, по нашему мнению, в значительной степени связаны “изменения” в этническом составе одного и того же селения по разным переписям, в частности, появление и исчезновение башкир (сравнительно “привилегированного” сословия среди мусульман края, числившись в котором было “престижно”), переходы из татар в тептяри и пр. В архиве г. Казани сохранились единичные подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по с. Бигашево, где собственно башкир никогда не было. Но в одной карточке сельское общество (община) названо башкирским, в остальных случаях – крестьянским и тептярским. Причем у единственного представителя башкирского общества – Р. Галиакбарова, как и у всех прочих бигашевцев, национальность – татары¹⁵. Вероятно, здесь мы опять имеем дело с точкой зрения кого-то из местной низовой администрации.

Самый главный вопрос, от ответа на который зависит ни много, ни мало как принципиальная оценка достоверности практически всей используемой в исторической (этнографической) науке информации по этническому составу населения России XVIII – начала XX в., заключается в определении степени распространенности этого явления. Какой удельный вес в переписях рубежа XIX–XX в. занимали ответы сельской администрации, а какая часть сведений была получена непосредственно из уст самих крестьян¹⁶?

В архиве г. Уфы сохранился великолепный массовый источник, позволяющий провести сплошное изучение очень большого, абсолютно представительного, с точки зрения статистической достоверности, материала – подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной и земельной переписи 1917 г.¹⁶ В качестве образца возьмем пригородную Романовскую (Черкасскую¹⁷) вол. Уфимского у., куда входили 14 населенных пунктов (1180 учтенных нами¹⁸ семей-домохозяйств, 6910 человек)¹⁹. Волость находилась на северной окраине Уфы, столицы губернии, ныне большинство ее земель уже в городской черте. Сравним почерки во всех подворных карточках.

Деревня Вотикеево (174 двора русских, бывшие государственные и удельные крестьяне, 25 хозяйств беженцев-белорусов, одна семья башкир). В подавляющем большинстве подворных карточек записи названий уезда, волости, селения, общества, сословия и национальности по почерку не совпадают со вписанными рядом фамилией, именем, отчеством и всеми цифровыми сведениями (состав семьи, количество деся-

тин посева, земли, рабочего скота и пр.). Более того, в некоторых карточках эти шесть обязательных записей сделаны *чернилами*, а вся прочая информация, которая получалась непосредственно от домохозяина, внесена *карандашом*. Лишь в немногих случаях наблюдается полное совпадение почерка во всей подворной карточке. Таким образом, переписчик (или переписчики) первые шесть необходимых записей *заранее* внес в документ, *до* встречи с жителями деревни (или после).

В д. Чуварез аналогичная картина *несовпадения* почерков наблюдается в подворных карточках 58 семей русских (поселенцы-собственники). Но в карточках беженцев белорусов (11 хозяйств) все записи одинаковы. Видимо, переписчик не знал точно-го числа осевших в Чуварезе беженцев и предварительно не подготовил документацию; чистые подворные карточки заполнялись по всем графам при непосредственном опросе главы семейства беженцев.

Деревня Старо-Турбаслы (200 дворов припущенников башкир и немного беженцев) – все повторяется, в подавляющем большинстве случаев несовпадение почерков. Обязательные сведения (уезд, волость, селение, общество, сословие, национальность) вписаны обычным (простым, серым) карандашом, а фамилия и имя до-мохозяина, семья и все цифровые сведения по экономическому положению двора проставлены синим (химическим, чернильным) карандашом. Вариант – чернилами и карандашом.

То же мы обнаруживаем по хутору Тромпетт (39 семей русских) и д. Ново-Александровка (23 двора русских), почерки совпадают только у беженцев белорусов. И так далее: д. Волково (русские) – несовпадение в записях, с. Черкасы (русские) и с. Ново-Карашиды (башкиры) – не очень отчетливые записи, скорее всего, тоже не совпадают, д. Покровка (русские) – то же, д. Ново-Турбаслы (башкиры) – то же.

Зато в маленьком починке Валентиновка (три двора русских поселенцев-сост-венников) почерк, которым были сделаны все записи, одинаков. Без сомнения, здесь переписчик сразу вносил в подворную карточку всю требуемую информацию (от на-звания волости и национальности до количества рабочих лошадей). И на хуторе Бе-лый Ключ со слов домохозяина Хайдара Гильманова была полностью заполнена единственная подворная карточка. В маленьких населенных пунктах статистики за-ранее не готовили документацию.

В д. Архангельская (русские, 22 двора) все записи в подворных карточках, скорее всего, сделаны сразу переписчиком, да в д. Александровке (русские, 124 семьи, и бе-лорусы) мы видим одновременное заполнение всех пунктов. Так, в Александровской подворной карточке № 6 на Матрену Родионовну Козлову и название уезда, волости, селения, и все цифры, и сословие (“в. х.” – вольные хлебопашцы), и национальность (“рус.”) проставлены одинаковым почерком и чернилами. Хотя в карточке № 108 обязательная информация занесена простым карандашом, а имя домохозяина Егора Григорьевича Соколова и цифровые показатели хозяйства (семья, земля, посев, скот, инвентарь) – синим (химическим) карандашом. Вообще, только в Александровке мы встречаем большое разнообразие в заполнении подворных карточек²⁰.

Подведем итог. В 1917 г. в 10 из 14 населенных пунктов Романовской (Черкасской) вол. Уфимского у. подавляющее большинство карточек были заблаговремен-но подготовлены статистиками, в том числе заранее в них проставлялась информа-ция о национальности (с чьих слов?). В остальных двух деревнях, маленьком почин-ке и хуторе, да у беженцев белорусов, что составляло всего 280 дворов из 1180, или 24%, записи в подворных карточках были вписаны сразу по всем пунктам и со слов самого домохозяина. Значит, 76% информации об этнической принадлежности насе-ления Романовской вол. получено не от самих крестьян, а у местной (общинно-вolo-стной) администрации.

Проведение переписи 1917 г. позволяют увидеть сохранившиеся общинные блан-ки, где проставлялась дата обследования деревни и фамилия счетчика. Наверняка, составление подворных карточек на жителей населенного пункта и общинного бланка проходили сразу. Всю Романовскую вол. переписал один человек, неразбор-

чивая роспись читается как Ф. Копейкин (мог иметь помощников, но как руководитель работы подписывал бланки единолично). Сначала, 8 июня 1917 г., он прибыл в самое большое русское с. Вотикеево. 9 июня была обследована д. Чуварез, на следующий день хут. Тромпетт, 12 июня в один день заполнены карточки на жителей д. Архангельской и с. Ново-Карашидов, 13 июня статистик переписал население двух общин д. Старо-Турбаслов (припущенники и вотчинники). Далее были обследованы д. Ново-Турбаслы (14 июня), д. Александровка (15 июня) и 16 июня подготовлены карточки сразу на д. Покровку, поч. Валентиновку, д. Ново-Александровку и д. Волково. После чего наш статистик на время оставил вверенный объект обследования и лишь 4 июля приезжает в последнее с. Черкасы²¹. Как видим, на каждое селение отводилось по одному дню (8–10 и 12–16 июня работа шла непрерывно); в отдельных случаях удавалось за день переписать по два и даже четыре населенных пункта. Для переписи даже сравнительно небольших деревень времени было немногого и статистик заранее готовил документацию.

Пригородный характер Романовской вол., наверняка, оказал влияние на ход проведения здесь переписи 1917 г. Статистики могли, особенно не торопясь, заранее выехать из Уфы и подготовиться к опросу жителей, а также внести обязательные сведения в подворную карточку, обстоятельно побеседовать с сельскими старостами и писарями, волостным старшиной или представителями новых, революционных органов власти (земельного комитета и др.). Об этом говорит и использование чернил – крайне редкое явление во время проведения переписи 1917 г. Напомним, что контакт переписчиков с сельской низовой администрацией был неизбежен; помимо подворных карточек составлялся пообщинный бланк²², куда заносилась разнообразная информация из документов сельского или волостного правления, а также полученная в ходе расспроса сведущих лиц.

А как обстояло дело в удаленных от городских центров волостях? Чтобы это установить, мы провели опять-таки сплошной просмотр всех подворных карточек переписи 1917 г. по Сафаровской вол. Уфимского у. (территория современных Чишминского и Благоварского районов Республики Башкортостан)²³ – одной из крупнейших по территории и числу жителей (52 населенных пункта, 5181 хозяйство, 30 233 человека)²⁴ со сложным национальным составом.

Картина в Сафаровской вол. действительно получилась иной. В многочисленных небольших населенных пунктах (поселки переселенцев и хутора), а также в железнодорожных станциях практически повсеместно наблюдается полное совпадение почерка по всей подворной карточке. Как и в Романовской вол., приезжавшие статистики, видимо, просто не знали точного числа и этносословной принадлежности жителей разбросанных хуторов, не говоря уже, например, о ст. Чишмы с крайне пестрым населением (русские, украинцы, поляки, башкиры, белорусы, мишари, литовцы, евреи, немцы, чуваши и просто “мусульмане”).

В подворных карточках этих поздно возникших селений обнаружены лишь не-принципиальные различия в записях. Так, на ст. Чишмы Волго-Бугульминской железной дороги очень часто заранее (т. е. иным почерком) были внесены названия уезда, волости и станции. Все остальное – от фамилии и этнической принадлежности до сведений о хозяйстве полностью идентично. В пос. Пархомовский сословие и национальность (“малороссы”) вписаны тем же почерком, но другим карандашом (с более тонким стержнем). Да в Екатеринославке в одной карточке исправлена национальность домохозяина с украинца на мордву. Есть некоторые другие факты.

Хотя и тут имеются исключения, изредка переписчики готовились заранее и к обследованию сравнительно небольших поселков. В четырех случаях обнаружены на подворных карточках несовпадения почерков – в д. Леонидовке (украинцы и русские, 74 двора), пос. Ново-Бабкино (10 хозяйств русских). В пос. Березовке (украинцы, 6 семей) и д. Зубовке (украинцы, 17 семей) сословие и национальность разными почерками записаны синим карандашом, фамилия и остальное – простым.

Вместе с тем совпадения почерка обнаружены в целом ряде “коренных” мусульманских селений Сафаровской вол. Здесь также преобладают относительно некрупные (до 100 хозяйств) деревни – Башкирские Термы (башкиры, мишари, 68 дворов), Буляк (тептяри, мишари, 76), Ново-Усманово (тептяри, 54), Ново-Сафарово (мишари, 70), Средне-Усманово (башкиры, 65), Старо-Усманово (башкиры, 34 дома). Каких-либо существенных особенностей в подворных карточках по этим деревням не обнаружено, лишь в Башкирских Термах встречаются исправления национальности с башкир на мишарей, да в Старо-Усманово, судя по анализу документации, подворную карточку заполнял один человек (почерк идентичный), но в разное время. Сходная картина по д. Еремеево (мишари и пришлые, 144 дома), где при полном совпадении записей у абсолютного большинства домохозяев, в единичных случаях только фамилия проставлена другим почерком. Прибывшие из Уфы статистики за-полняли всю документацию по этим селениям сразу на месте.

Совпадение почерков в большинстве подворных карточек выявлено и в много-людном с. Удрякбаш (башкиры, 507 семей), хотя достаточно часто здесь встречаются и несовпадения. Так, у Хабирова Сайфулгалима (карточка № 24) фамилия и эко-номические показатели хозяйства занесены синим карандашом, а уезд, волость, се-ление, общество, сословие (“вот.”) и национальность (“баш.”) простым карандашом.

Сплошной просмотр всех подворных карточек еще по четырем крупным мусульманским деревням не позволяет прийти к однозначному выводу. Это с. Аминево (ми-шари, 291 хозяйство), д. Шамеево (башкиры, 56), д. Новая и с. Сафарово. По д. Но-вой (мишари и тептяри, 309 дворов) можно признать, что численно преобладает сов-падение почерков, но встречаются исключения. Карточка № 33: обязательная инфор-мация вписана одним почерком, фамилия домохозяина (Кабиров Гайнитдин) – дру-гим, но схожим, однако сословие (“припущ.”), национальность (“тепт.”), семья и цифровые показатели хозяйства занесены уже третьим почерком.

Наибольший интерес вызывают материалы по волостному центру – д. Сафарово (588 семей мишар). Здесь также в большинстве карточек встречается совпадение почерка. Но обязательная информация вписана более небрежно, торопливо и она чуть-чуть отличается от записи всех прочих сведений; скорее всего статистик по приезде в Сафарово сначала заполнял общие данные в подворных карточках, после чего сразу начали подходить домохозяева. В некоторых случаях обязательная ин-формация (от уезда до национальности) внесена иным почерком, и, что любопытно, анализ подворных карточек показывает сложный процесс самой записи.

Возьмем сафаровскую карточку № 573. Размашистым почерком жирными буквами синим карандашом на лицевой стороне документа вписано имя домохозяина – Ва-лимухаметов Динислам, а на обороте точно таким же почерком проставлено коли-чество надельной земли с разбивкой по угодьям. И все – больше этот вариант записи не встречается.

Кроме того, синим карандашом, но мелкими буквами и почти наверняка уже дру-гим почерком указаны дежурные сведения (волость, село, сословие, этническая при-наадлежность). Все цифровые показатели по семье, посеву, скоту, инвентарю на ли-цевой и обратной сторонах подворной карточки записаны простым (серым) каран-дашом.

Подобные примеры неопровергимо свидетельствуют, что и в Сафарово к пере-писи готовились; подворная карточка, так сказать, не раз была “в работе”. Один или несколько человек заносили на нее разную информацию, пользуясь различными ис-точниками.

Еще более любопытна карточка № 358. Обязательные сведения, имя домохозяи-на (Мухаметзянов Абдулла) и, обратим внимание, размер надельной земли на обо-ротной стороне вписаны синим карандашом одним почерком. Всю эту информацио-переписчику мог сообщить сельский староста (волостной старшина, писарь или дру-гие должностные лица). Более того, мы убеждены, что именно так и было, ведь на обороте (повторимся – тем же почерком) проставлены следующие сведения: коли-

чество душевых наделов (два), земля под усадьбой (0,43 дес.), пашней (7 дес.) и площадь остальных угодий (1,56 дес.) (!). Под остальными угодьями в подворной карточке понималась доля данного домохозяина в землях, находившихся в коллективном пользовании Сафаровской общины – неудобья, выгон, лес, дороги, кладбище и пр. Абдулла Мухаметзянов формально, теоретически, считался владельцем этой земли, в реальной жизни, конечно, никакого индивидуального пользования быть не могло. И, почти наверняка, он вообще *не знал*, сколько на его две надельных “души” причитается неудобий, выгонов и кустарников. Этой информацией владели *только* должностные лица из сельского (волостного) правления, и лишь они могли сообщить ее переписчику²⁵.

Вернувшись к сафаровской карточке № 358, мы увидим, что сведения о семье, рабочем скоте, посевной площади и т. д. на обоих сторонах документа проставлены уже обычным карандашом, в том числе общая площадь надельной земли – 8,94 дес. – тоже вписана сверху тем же серым карандашом. Скорее всего, переписчик при заполнении оборотной стороны суммировал (с ошибкой) ранее занесенные цифры.

Последнюю группу в Сафаровской вол. составили крупные селения, где наблюдается “классическое” несовпадение почерка в подворной карточке, когда обязательные сведения (уезд, волость, селение, общество, сословие, этническая принадлежность) записаны одним, а фамилия, имя домохозяина и все цифровые сведения – другим почерком. Это с. Калмаш (мишари, 434 двора), с. Кащкалаши (мишари, башкиры, 369), д. Нижние Термы (башкиры, мишари, другие, 131), д. Верхние Термы (башкиры и мишари, 235), д. Балышлы (башкиры, 330 хозяйств). Хотя и здесь встречаются карточки с совпадающим почерком (Верхние Термы, Балышлы), в Калмаше – с исправлениями фамилий. Но в целом во всех этих деревнях статистики заранее готовили подворные карточки. Так, в Балышлах карточка № 206 на Халиуллина Рахматуллу заполнена двумя разными почерками. Все обязательные сведения, включая сословие (“пр. соб.”), национальность (“баш.”) и имя вписаны синим карандашом размашистым почерком, а состав семьи, посевная площадь и пр. проставлены тем же карандашом, но более мелким почерком. Совпадение почерка, которым были вписаны имя и обязательные данные, позволяет предположить, что в сельском правлении подворные карточки заполнялись по имевшемуся списку домохозяев.

О “работе” с подворными карточками говорят и данные по д. Сарайлы (башкиры, 189 семей). Анализ почерков показывает, что здесь было три этапа записи. Сначала вписали в карточки уезд, волость, название деревни, общества. Затем добавили слово (“вот.”) и национальность (“баш.”), и уже на третьем, заключительном этапе, когда непосредственно общались с жителями, были внесены имя, фамилия домохозяина и все прочие сведения о семье и имущественном состоянии двора. Сарайлинские карточки заполнены одинаковым синим карандашом, почерки схожи; возможно, информацию вписывал один человек в разное время.

Таким образом, в Сафаровской вол. Уфимского у. в 1917 г. из 50 населенных пунктов, без частновладельческих (помещичьих) хозяйств и пропущенного нами пос. Богоизмазовка (украинцы, 14 дворов)²⁶, с известной долей условности, в 36 – почерки в подворных карточках совпадают, т. е. в них все пункты заполнялись статистиками сразу на месте. В 10 деревнях почерки не совпадают, в четырех часто встречалось как совпадение, так и различие в почерках. По этим последним селениям примем такое решение – для д. Аминово и Шамеево (50 на 50), для Новой и Сафарово (в 75% карточек почерки совпадают, в 25% нет).

Подсчитаем теперь число дворов по Сафаровской вол. (50 населенных пунктов). В 2194 хозяйствах (из 5099, или 43%) обязательные сведения и информация, сообщавшаяся лично домохозяином, записана разными почерками, т. е. подворные карточки готовились заранее. В абсолютном большинстве селений Сафаровской вол. документация заполнялась сразу со слов жителей. Но так как в волости преобладали

небольшие деревни, поселки и хутора, то удельный вес подворных карточек с совпадающими почерками составил всего 57%.

Анализ общинных бланков по Сафаровской вол. показывает, что тут летом 1917 г. трудилась целая бригада. Так, “столицу” волости – с. Сафарово – 18 июля переписала, видимо, женщина – “А. Филонова”. Причем больше ни в одной деревне она не зафиксирована. Статистик Г.И. Анисимов обследовал Исадовку (11 июля), Дмитриевку (25), Дурасово и Старо-Усманово (27), Ново-Усманово (29), Средне-Усманово (30 июля), возможно Шамеево (6 августа), а также Ново-Сафарово и два Маковских поселка, по которым даты не проставлены. Афанасьев переписывал Зубовку (7 июля), Балышлы и Чишмы (12), Новую (13), Херсоновку (14), Екатеринославку (15), Пархомовский (17), Каветку (26), Березовку и Бекетово (27), Буляк и Сарайлы (30), а 12 июля вместе с Даниловой обследовал большую деревню Кашкалаши. Кроме того, еще девять населенных пунктов обогнал статистик Д. Трошин, Захаров переписывал Ново-Первушину, а Данилова – Леонидовку. В Аминево и Удрякбаше не указано кто здесь работал²⁷. Большой объем работы вынуждал счетчиков торопиться; переписать в один день многолюдные Чишмы или Новую было весьма непросто. Наиболее часто случаи несовпадения почерков встречались у Афанасьева и Трошина, которые, вероятно, старались подготовить часть документации заранее.

Итак, сплошной анализ первичных материалов переписи 1917 г. по двум (Романовской и Сафаровской) вол. Уфимского у. привел к единому заключению – очень большая доля информации по национальному составу сельского населения (от 43 до 76%) получалась статистиками от низовой (сельской, общинно-волостной) администрации, местных микроэлит, отражает ее представления, а не мнение (самосознание, самоназвание, самоидентификацию) рядового крестьянства. Аналогичный характер имеют и материалы земской переписи 1900–1901 гг. по Бугульминскому у. Самарской губ. Выбранные нами эти два источника являются типичными для статистической практики рубежа XIX–XX вв.; по организации и способу проведения они не отличались от десятков других обследований.

Выделяются лишь материалы Первой всероссийской переписи населения 1897 г. Изучение переписных листов (формы А, Б, В) по отдельным селениям Оренбургской губ., с. Миасс и г. Челябинску²⁸ показывает практически единовременное заполнение документа счетчиками непосредственно со слов хозяина. Так, в переписном листе на всех восемь членов семьи Закира Фаррахова из д. Сейтяково Кубеляк-Телевской вол. Верхнеуральского у. Оренбургской губ. одним почерком указано в пункте № 6 “Сословие, состояние или звание”: башкир, а в пункте № 12 “Родной язык”: “татар.” (ский), тоже во всем селе²⁹. Хотя, учитывая неизбежное присутствие переводчиков, полностью исключать влияние низовой сельской администрации на ход переписи 1897 г. нельзя. Видимо, не случайно, среди тюркских языков населения Уфимской губ., помимо татарского, башкирского, мещерякского, тептярского, чuvашского, появились туркменский (2070 человек назвали его своим родным) и турецкий (521 чел.) языки³⁰.

Наши наблюдения касаются не только материалов второй половины XIX – начала XX в. В ревизских сказках XVIII–XIX в. сословие и этническая принадлежность (народность) указывались сразу для всего населенного пункта вначале списка семей, рядом с названием деревни. Источником информации также, видимо, являлась общинная верхушка, микроэлита. При обработке материалов переписи 1917 г. мы обнаружили значительно более разнообразную этническую картину в Уфимской губ., чем в предыдущих источниках. Помимо двойных–тройных самоназваний, почти в каждом уезде появились и новые “народы” – мусульмане (Бирский), казаки (Уфимский), алаторы (Стерлитамакский). В Белебеевском у. в большом селе Тюрюшево (Тюрюш-Шункай), этническая принадлежность подавляющего большинства населения которого в 1917 г. указана как мишари (416 семей, 2394 человек) или тептяри (88 семей и 457 человек), в 15 подворных карточках четким уверенным почерком этническая принадлежность записана как “тюмены” (всего 82 человека)³¹, т. е. меще-

ряки из под г. Темникова. Тюмены во время переписи 1917 г. были зафиксированы и в некоторых соседних небольших деревнях. Здесь же ситуация была необычна тем, что в весьма большом селе, да еще волостном центре, часть жителей вдруг вспомнила свое древнее самоназвание.

По сведениям VIII ревизии (1834 г.) в Тюрюшево проживали только мещеряки (633 человека), появившиеся тут “на праве припущенников по записи 1680 г., по договору 1739 г.” и немного тептярей (7 мужчин)³². По земской переписи 1912–1913 гг. в Тюрюш-Шункае проживали 2538 припущенников-башкир и 109 бывших государственных крестьян, опять-таки башкир³³. Ни о каких тюменах ни один источник не сообщает. Конечно же, старинный этноним не мог возникнуть к 1917 г. из ничего – веками часть тюрюшевцев, наверное, именовала себя тюменами, но во всех документах указывались только “официальные” этнические наименования, которые сообщались местной сельской администрацией и учитывались статистиками.

Достоинство материалов переписи 1917 г., как и любого другого, не подвергшегося “научному редактированию”, первоисточника, заключается в том, что, несмотря на административный ресурс, значительная часть информации исходила непосредственно от самих крестьян. Очень часто исправления, переписывания, в отдельных подворных карточках видно, как статистик вслед за сельчанином дважды, а то и трижды переправлял сказанное. Так, у 67-летнего жителя д. Калтаво Уфимского у. М. Мухаметвалиева в графу национальность сначала вписали “мещеряк” (“м.”), потом зачеркнули и написали “тептяр” (“тп.”), последнюю запись вновь перечеркнули и снова указали “мещеряк” (“меш.”)³⁴. Эти достаточно многочисленные факты, отличающие данные переписи 1917 г. от предыдущих источников, в том числе ревизских сказок, косвенно подтверждают наличие отмеченной выше практики получения информации о национальном составе населения у общинно-волостной администрации, а не рядового крестьянства, начиная с XVIII в.

Наш вывод о большой роли сельских микрэлит в документальной фиксации этнической принадлежности жителей императорской России имеет значение не только для “пограничных” регионов со смешанным населением. Как, например, могли ответить рядовые русские крестьяне центральных губерний первой половины XVIII в. на вопрос о своей народности – православный, “христианин”, великорус или “мы пскопски”? Конечно, административный ресурс наших дней, когда региональная элита стремится вывести свой этнос, допустим, на второе место, рассчитывая на вполне осозаемые материальные дивиденды от этого в будущем, и желание поверхности-образованного сельского старости повысить статус собственной деревни или просто прихвастнуть перед приезжим чиновником (а вдруг прирежут земли?) – далеко не одно и тоже. Между ними огромная дистанция, но по сути это явления сходные – точку зрения начальника не следует отождествлять с самосознанием массы.

Примечания

1 См.: Красильников М.П. Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. Уфа, 1918. С. 2 и др.

2 Уже после подготовки данной статьи мы ознакомились с работой В.А. Тишкова, где затронуты аналогичные вопросы на макроуровне. Мы полностью согласны, что переписи это “средство конструирования” реальности, “властный капитал”, а процедуру переписи безусловно необходимо рассматривать “как политическую процессуальность” (Тишков В.А. Историко-антропологический анализ переписи населения // Истор. зап. Вып. 6 (124). 2003. С. 40–41). Считаем нужным добавить, что, помимо роли государства, внимания также требуют интересы и практики региональных элит (вплоть до микрэлит), которые часто носят объективный (неорганизованный, “ментальный”) характер и уходят своими корнями в доиндустриальную эпоху.

3 Кругликов П.В. Список населенных мест Самарской губернии по сведениям 1889 года. Самара, 1890. С. 61–62.

⁴ Протопопов И.А. Список населенных мест Самарской губернии, составлен в 1900 году. Самара, 1900. С. 118–119. “Источниками для составления списка… служили: а) данные, извлеченные из материалов губернской и уездной переписных комиссий, при поверке деятельности их по производству первой всеобщей переписи населения в 1897 году, дополненные сведениями, собранными на местах при посредстве чинов полиции, волостных правлений и других учреждений; б) опубликованные ко времени составления списка результаты подсчетов населения, произведенных главной переписной комиссией; в) сведения, извлеченные из документов, хранящихся в губернском статистическом комитете, а также” см. примеч. № 3 (Протопопов И.А. Указ. соч. С. I).

⁵ Подковыров Н.Г. Список населенных мест Самарской губернии, составлен в 1910 году. Самара, 1910. С. 98–99.

⁶ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 993. Оп. 1. Д. 108 (Абдрахманово), 109 (Бигашево), 110 (Кульшарипово), 112 (Верхняя Мактама), 118 (Нижняя Мактама); материалы по с. Альметьево изданы, см.: Роднов М. Альметьевцы в начале XX века // Альметьевск. Казань, 2003. С. 151–179.

⁷ Сведения, извлеченные из материалов фонда “Альметьевская энциклопедия”, любезно предоставлены И.Р. Габдуллиным.

⁸ НА РТ. Ф. 993. Оп. 1. Д. 233. Л. 135.

⁹ Мы нашли единственное, но достаточно массовое исключение: во время оценочно-статистического исследования в Уфимской губ. в 1895 г., видимо, в широких масштабах привлекли к описанию деревень счетчиков – мусульман. Так, д. Балышлы и Шамеево обследовал “Бадреддин Гибадуллин”, а описание с. Верхние и Башкирские Термы (все Уфимского у.) было выполнено “счетчиком Хусаином Терегуловым” (Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦГИА РБ). Ф. И-132. Оп. 1. Д. 819. Л. 63 об., 67 об.).

¹⁰ НА РТ. Ф. 993. Оп. 1. Д. 120.

¹¹ Роднов М. Указ. соч. С. 154.

¹² Цит. по: Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. М., 1990. С. 56. Новейшие взгляды на этот вопрос см.: Исхаков Д.М. Гл. 5. Этнополитические и демографические процессы в XV–XX веках // Татары. Сер. “Народы и культура”. М., 2001. С. 147–152.

¹³ НА РТ. Ф. 993. Оп. 1. Д. 233. Л. 27–143.

¹⁴ См., напр.: Роднов М.И., Дудина О.И. Крестьянство Уфимской губернии в 1917 году: Белебеевский уезд // Башкирский край. Вып. 2. Уфа, 1992. С. 56–57 (магометанин – тюмен, магометанин – башкир); Вып. 5. Уфа, 1994. С. 124 (башкир – тептяр – магометанин), 130 (новобашкиры – мишари) и т. д.

¹⁵ НА РТ. Ф. 993. Оп. 1. Д. 120. Л. 1–12.

¹⁶ Наши публикации материалов этой переписи см.: Роднов М.И. Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997; Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. / Сост. А.З. Асфандияров, Ю.М. Абсалимов, М.И. Роднов. Уфа, 2001; Роднов М.И. Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2002 и др.

¹⁷ Романовская вол. была образована в 1913 г. и названа в честь 300-летия Дома Романовых. В революционном 1917 г. появляется второе наименование по волостному центру.

¹⁸ При обработке источника отдельные карточки на отсутствовавших, реально не проживавших в селе домохозяев, но числившихся в составе местного сельского общества, нами исключались. В Романовской вол. таковых вообще не было.

¹⁹ ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 554. Итоги опубликованы: Роднов М.И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 123–124, 181; Западные башкиры...

²⁰ Там же.

²¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 168.

²² Там же. Д. 157–168.

²³ Там же. Д. 555–559.

²⁴ Роднов М.И. Крестьянство Уфимского уезда. С. 125–131, 181–182.

²⁵ Получение информации не от домохозяев, а из других источников подтверждают данные переписи 1917 г. по крестьянскому землевладению. В ходе обработки первичных материалов нами установлено, что в огромном количестве подворных карточек Уфимской губ. на хозяйства с надельной землей вообще не указана площадь пашни, сенокоса и других угодий; чаще всего проставлялась лишь площадь усадьбы. В них имеется только отметка о числе “душ” (разверсточных единиц), хотя данные о погубернском надельном землевладении приводятся

(см., напр.: Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям // Тр. ЦСУ РСФСР. Т. 5. Вып. 2. М., 1923). Статистики, скорее всего, получали информацию о землевладении общин от сельских старост, волостных старшин, а, может, из инвентарных земельных книг, хранившихся в Уфе. Ср. проведение в 1917 г. переписи уфимских помещиков: “Общий территориальный учет частновладельческого фонда приведен в особой таблице в поволостных итогах из инвентарных земельных книг” (курсив мой. – *M.P.*) (ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 174. Л. 96).

²⁶ Роднов М.И. Крестьянство Уфимского уезда. С. 125–131, 181–182; ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 555–559.

²⁷ ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 168.

²⁸ Там же. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 184–185, 206, 210; первичная документация переписи 1897 г. была недавно обнаружена Л.В. Асеевой в архиве Валидовского правительства (см.: Роднов М.И. Новые материалы из архива Малой Башкирии // Археография Южного Урала. Уфа, 2002. С. 113–115).

²⁹ ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 183. Л. 1 и др.

³⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Тетр. XLV. Уфимская губ. СПб., 1904. С. 40–41.

³¹ Роднов М.И., Дудина О.И. Указ. соч. Вып. 5. С. 129.

³² Западные башкиры... С. 144.

³³ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 1692–1693.

³⁴ Роднов М.И. Крестьянство Уфимского уезда. С. 36.

M. I. Rodnov. Administrative Resources in Ethnographic Studies

In connection with the criticism leveled at recent population censuses in Russia, the author ponders over the actual role of local administrations in the implementation of national censuses and ethnic surveys in the past. He argues that in the Tsarist Russia, as today, the ethnic picture stemming out of such censuses and surveys had been influenced to a noticeable degree by the interests and concerns of local administration bodies. He makes a case study of the results of the 1900–1901 census in Samara region, drawing on a variety of unpublished materials from Samara and Kazan archives.